

Литература и источники

1. Вербилевич, О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал / О. Вербилевич // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – С. 35–54.
2. Зайцев, А. В. Диалогика Юргена Хабермаса: понятие и сущность / А. В. Зайцев // Электронные журналы издательства NotaBene [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_148.html. – Дата доступа: 25.12.2017.
3. Мякчило, С. А. Социотехнологическая практика как предмет философской рефлексии: приоритеты и задачи исследования / С. А. Мякчило // Философия в цивилизационном контексте: сб. трудов по мат. Междунар. науч. конф. «Философское знание и вызовы цивилизационного развития», Респ. Беларусь, г. Минск, 21–22 апреля 2016 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2017. – С. 172–176.
4. Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / И. Кант // Кант И. Собр. Соч. в 6-ти томах. Т. 6. – М., 1966. – С. 25–35.
5. Freedom House: Доклад о состоянии свободы в мире 2016 года // Гуманитарные технологии. Аналитический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2016/01/28/7290>. – Дата доступа: 25.12.2017.
6. Wyssusek, B. Knowledge Management – A Sociopragmatic Approach / B. Wyssusek, M. Schwartz, B. Kremberg // Remenyi D. (Hg.). Proceedings of the 2nd European Conference on Knowledge Management. – Bled, 2001. – P. 767–776.

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ В «НОН-ИНФОРМАЦИОННУЮ» ЭПОХУ

Д. В. Ермолович

Утопия – то, чего нет.

Антиутопия – то, что есть...

Нарастающий кризис, его неразрешенность и до, и после настоящего исторического периода заставляет подумать о человеческой сущности в революции и сущности революции в человеке. На смену, с одной стороны, крепостническому бунту – своеобразному социо-культурно-историческому катарсису, выбросу накопившейся и нереализованной энергии, а с другой стороны, экзистенциальной постановке проблем смысла жизни и свободы воли человека появляется возможность последовательной трансформации, когда революция (революционный дух) разрешается, в прямом (социально-экономическом) и переносном (идеалистическом) виде, и устанавливается в качестве подлинной сущности человека.

Краткая форма ленинского закона революции – верхи не могут, низы не хотят жить по-старому. Таким образом, в состоянии тотального кризиса «верхи» вынуждены искать средства для удовлетворения своих «высших» потребностей (движение вниз по пирамиде потребностей, по А. Маслоу, поиск ответа на вопрос «как жить»), а «низы» вынуждены устанавливать цели

для удовлетворения своих «дефицитарных» потребностей (движение вверх по пирамиде потребностей, поиск ответа на вопрос «зачем жить») – конфликт неизбежен, т. е. верхи не могут, но хотят, а низы не хотят, но могут жить по-старому: гражданское общество раскалывается до антагонизма, и если революционная война неизбежна, то эта война всегда гражданская. Национальным элитам ничего не остается как во спасение своего социального (гражданского) статуса найти (или выдумать) внешнего врага и «возглавить» борьбу с ним. Мировым элитам врага можно только выдумать – глобальный мир виртуализуется, общество становится информационным...

Общество, определенно стремящееся стать информационным (когда информация становится мерилom социальной значимости), несоизмеримо быстро в сравнении с продолжительностью человеческой жизни входит в состояние информационной перегрузки [1]. Однако не столько хранение, обработка, передача, сколько складирование, переработка, уничтожение информационного мусора («*нон-информации*»), – вот та проблема, с которой уже сталкивается современное информационное общество. Информационно перегруженное общественное и индивидуальное сознание влечет проблему человеческой экологии, объединяя в себе последствия антропологического и экологического кризисов современности.

Сложившуюся ситуацию вправе назвать «нон-информационной» эпохой, когда социокультурно-исторический ресурс действительной жизни замещается технологически-цивилизационным ресурсом: на смену предметно-образно-значащему (и потому «понимающему») мышлению приходит вещно-ярлыково-провоцирующее (и потому стимул-реактивное) мышление или, как его сейчас называют, мышление «клиповое», причем «клиповость» и есть реакция на достигнутый произведенный и потребляемый нон-информационный ресурс.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на размышления академика А. С. Панарина по поводу действительности модерна (и постмодерна) оказавшегося в тисках между христианским фундаментализмом и «рыночным терроризмом» [2]. Необходимо отдать должное выделению элементов макромодели социального проектирования посредством системы требований модернистского просвещения или, как автор их называет, «формул прогресса». Паритетная представленность молодежи («полпреда прогресса») в структуре общества – а модель требует для этого избранного проводника прогресса достижения необходимой критической массы, – может быть реализована: 1) либо благодаря искусственному увеличению данного возрастного периода и искусственной же трансформации ожиданий (чем собственно уже неоднократно занимались соответствующие органы Европейского Союза, доведя на бумаге молодежный возраст до 42 лет), что противоречит биогенетическим данным; 2) либо благодаря увеличению продолжительности жизни и значительному росту рождаемости в странах первого

и уже второго мира (приблизить рождаемость к естественному воспроизводству жизни вида, т. е. в семье иметь более двух детей, тогда как сейчас в странах ЕС у коренного населения – менее одного); 3) либо через ментальную глобализацию, новый мировой порядок, отказ от традиционной семьи (что уже в западной культуре случилось, но по другому поводу) в пользу коммунного образа жизни, других межпоколенных отношений: не жены или мужа общие, а общие дети, как часто это можно наблюдать в природе у стайных / стадных животных и «общественных» / ройных насекомых, да и среди первобытно-коммунных культур.

Прогрессистски настроенная часть общества (молодежь ли это или иная социальная когорта) должна принять необходимость ментального скачка в своем сознании и сознании человеческого рода, определиться с основаниями культурной компетенции: критической способностью и креативностью, встать на позицию Н. Винера: «Мы больше не можем оценивать человека по той работе, которую он выполняет. Мы должны оценивать его как человека» [3, с. 323–324], т. е. совершить социокультурную революцию.

Анархизм как следствие реакции 30–40-х годов XIX века (и в России, и в Европе) получает в XXI веке свое продолжение. Рост анархизма наблюдается не как прямой протест против реакционной политики официальной власти (хотя и это имеется вследствие поляризации властных структур, расслоения элит и их маргинализации), а как реакция на изменившийся характер межличностных отношений в информационном обществе в среде сетевого взаимодействия, интернет-коммуникации, мобильной связи, когда взаимоотношения людей утрачивают естественную непосредственность, а гражданское общество формируется в условиях предельной дистанцированности от власти.

Исторически сформировались отношения в рамках трехпоколенной модели организации общественной жизни, но технологическое развитие производства и некоторые успехи в практическом использовании достижений научно-технического прогресса привели к закономерному увеличению продолжительности жизни и созданию предпосылок для перехода на четырехпоколенную модель.

На сегодняшний день теоретически и практически сконструированы идеальные трехуровневые социальные пирамиды: кастовая модель – граждански активными являются три варны, четвертая хотя и имеется, но в определении жизни общества не участвует; платоновское идеальное государство – рабы (как четвертый элемент) в качестве самостоятельной составляющей социальной системы (государства) не определены. К этой группе конструкций можно отнести трехуровневую организацию социума, решенную Дж. Локком в идее разделения властей: законодательная, управленческая, исполнительная, а также множество других примеров.

Антагонистически классовое понимание устройства общественной

жизни (у К. Маркса) «преодолевается» (некоторыми современными теоретиками) посредничеством третьей силы: таким медиатором становится средний класс (основа гражданского общества еще у Аристотеля), осмысленно принимающий вассалитет и снимающий социальную напряженность в обществе потребления. В качестве зависимых социальных групп в этом случае предстают вытесняемые на периферию потребления социальные образования: антагонизм перемещается с политэкономических статусов в том числе и в сферу гражданского (психосоциального) разделения по поколениям.

Борьба (за власть, за приоритетность в социальной иерархии) в рамках так понимаемой трехуровневой, классовой и трехпоколенной модели в кризисных ситуациях современности настолько накалена, что четвертое поколение оказывается свободным от прямого воздействия / вовлеченности и, будучи «брошенным» на произвол судьбы, вынуждено предоставлено самому себе (нечто подобное можно наблюдать в древнеиндийской традиции с кастой «неприкасаемых»). Возникает ситуация избыточности для традиционной трехпоколенной модели организации общества и неопределенности для становящейся информационной модели – четырехпоколенной.

Имеющаяся на данный момент «теория поколений» (североамериканский продукт) констатирует с одной стороны естественный характер четырехпоколенной структуры социума (поколения беби-бума, X, Y, Z), но с другой стороны озабочена отсутствием эффективной коммуникации между всеми поколениями (трем традиционными как внутри себя, так и по отношению к четвертому; четвертым – опять же, как внутри себя, так и по отношению к остальным трем).

Психологический портрет «поколения-Z» (высокая адаптивность; размытые, подвижные нравственные ценности; прагматизм) способен объяснить расширение идей анархизма (социально-политического, а не только киберанархизма): отсутствие информационных границ; «Интернет-вольница»; виртуально-игровое созидание «открытого» общества и т. п. Способ разрешения обнаруженных психосоциальных и не только проблем посредством переадресации ответственности на поколение-Z – «пускай принимает решение само» – это: или 1) стратегия от противного, невозможного (сшибка, культурный шок) с понятными ожиданиями: «новый человек» (выплывет – выживет, принципиально оптимистическая утопия), или 2) «дурость», неведение, а то и подлость – «маленьких обижать нельзя», или 3) очередной социальный эксперимент со стороны некоего внешнего наблюдателя.

При этом поколение-Z ни при каких социально-экономических условиях не достигает паритетных отношений «полпредов прогресса», так что остается вопрос – каким образом легализовать социальный прогресс при наличии «клипового» мышления? Однако техноцивилизационное поколение в ближайшем будущем начнет претендовать на значимые социальные

привилегии, т. е. захочет самостоятельно распоряжаться социокультурно-историческими благами и распределять их (и это не только «биткойны»). Поэтому в политическом смысле должна вестись (и уже, конечно, ведется) борьба за умы поколения-Z; и какая политическая сила привлечет на свою сторону это поколение, та и победит. Но чтобы победа не была «пирровой», необходимо теоретически и практически разработать четырехпоколенную модель функционирования общества, открыть понимание (логику) многопоколенной модели жизнедеятельности, т. е. в соответствии с заветом Гегеля превратить историю в подлинную науку.

Поколения разделены социально-психологически, технологически и только потом политэкономически. Современный технологический уклад жизни создает пестроту, мозаичность картины социума, делает и современное общество, и его технологический уклад сверхсложным. В теоретическую моду входит синергетическая парадигма понимания жизни, апеллирующая к тем или иным точкам роста знания и преодолевающая картезианский дуализм, но при этом часто игнорирующая внутренние причины субстанционального становления действительности, – практически же картезианский и кантианский дуализм преодолеваются только диалектикой.

В порядке выводов отметим, что: 1) функции государства должны трансформироваться в функции управления / самоуправления общества, т. е. самоуправления / управления человека; 2) формирование человеческих сущностей (эссенциалов) требует исторической ответственности и есть социальный проект, направленный на осознание каждым своих человеческих сущностей; 3) в условиях бурного роста потребительских отношений наблюдается бурный рост «клиповости», «кадровости» мышления, поскольку разрушается естественная структура и содержание социального мышления человечества; 4) переход к четырехпоколенной модели социальной жизни в обозримом будущем потребует защиты от вмешательства интеллектуальных систем высокотехнологического общества в выполнение человеком его функций.

Литература и источники

1. Ермолович, Д. В. Информационная перегрузка: Big data, data mining и маркетинг-менеджмент / Д. В. Ермолович // BIG DATA and Advanced Analytics. Использование BIG DATA для оптимизации бизнеса и информационных технологий: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: БГУИР, 2016.
2. Панарин, А. С. Христианский фундаментализм против «рыночного терроризма» / А. С. Панарин // Наш современник. – 2003. – № 1, 2.
3. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М.: Наука, 1983.